

РУССКИЕ В САРАЕВЕ

РОСТИСЛАВ ПОЛЧАНИНОВ

Русские, прибывшие в Королевство СХС (сербов, хорватов и словенцев), были в своей массе политическими эмигрантами, покинувшими родину с оружием в руках, а не беженцами — бежавшими от политических или религиозных преследований, хотя, конечно, были и такие.

Помощью русским эмигрантам в Королевстве СХС ведала державная комиссия по делам русских беженцев (по-сербски — Државна комисија Кралевине СХС за руске избеглице). Здесь слово «эмигрант» было умышленно заменено словом «беженец» (избеглица), чтобы правительству было легче получить от парламента (скупштини) деньги на помощь русским.

Первое время мы, русские, никакой денежной помощи не получали, но я слышал от взрослых, что правительство придумало такой оригинальный способ: русские эмигранты получили право раз в месяц обменивать ограниченную сумму своих рублей на динары. С одной стороны, это было пособием, но, с другой стороны, у Королевства СХС был какой-то шанс в случае падения большевизма получить свои деньги обратно.

Сразу после конца Первой мировой войны в Королевстве СХС ощущался сильный недостаток в образованных людях. Сказывались не только огромные потери на фронтах войны, но и небывалые потери в рядах национально мыслящей интеллигенции в австро-венгерских концлагерях и в рядах отступившей через Албанию сербской армии. Крупные потери от голода и болезней были и среди мирного населения в оккупированных Австро-Венгрией Сербии и Черногории. Сказывался также и уход австро-венгерских специалистов к себе на родину из-за нежелания служить у югославян.

Поэтому в лице русских эмигрантов королевство СХС нашло недостающие кадры для строительства нормальной

жизни в новом государстве, и потому процент русских, устроившихся по специальности на частные предприятия или на государственную службу, был исключительно высоким. Это не могло не сказаться на психологии русских и на отношении к ним местного населения. К этому еще надо добавить традиционное русофильство не только среди сербов, но и в достаточной мере среди хорватов и словенцев.

Правда, русским, особенно вначале, платили меньше и посылали их в провинцию, куда своя интеллигенция старалась не ехать. Одним из примеров низкооплачиваемого интеллектуального труда был отдел государственной статистики в Сараеве.

После заключения мира между Сербией, с одной стороны, и Австрией, Венгрией и Болгарией, с другой, и установления государственных границ, правительство Королевства СХС решило подсчитать, сколько людей, лошадей, рогатого скота, овец, гусей, уток, кур и прочего оказалось на его территории, какой кто веры, кто какой язык считает своим родным и т.д. Для этого в 1920 г. была проведена перепись.

Сараевский отдел государственной статистики был почти полностью укомплектован русскими офицерами. Подсчет анкет делался вручную. Евгению Ивановичу Гердту, русскому немцу, создавшему в Сараеве Русскую художественную деревообделочную мастерскую (Руска уметничка дрветна радња), заказали счёты, которыми югославы никогда не пользовались, были по-русски составлены инструкции и сделан перевод бланков. Директор и главный бухгалтер были из местных, все остальные были русскими. Два-три серба, случайно оказавшиеся среди служащих, очень скоро научились говорить по-русски и помогали русским служащим при всех затруднениях.

Из-за очень низкой оплаты труда служащие «статистики», как ее сокращенно называли, старались подработать где кто мог, и, конечно, искали лучше оплачиваемые места.

Мой отец, перейдя из «статистики» в Дирекцию финансов, устроил на свое место мою мать, но через пару лет, из-за начавшейся в стране безработицы, был издан закон, по которому муж и жена не могли быть одновременно на государственной службе, и мою мать уволили.

Легче было тем, кто до службы в армии имел хоть какую-нибудь специальность. Несколько русских врачей получили право практики без каких-либо особых экзаменов. Инженеры и чертежники легко получали работу.

Так, например, полковник В. Ф. Гушин руководил метеорологической станцией, а военный летчик — донской казак Иван Стрельников — стал инструктором на военной авиабазе в Райловце около Сараева.

Биолог Скворцов, крупный специалист по малярийным комарам, стал директором научного института. Когда Югославия оказалась в руках коммунистов, его арестовали и вывезли в Среднюю Азию, где он, будучи заключенным, продолжал вести научную работу.

Поручик Дмитрий Николаевич Сергеевский, археолог по профессии, возглавил археологический отдел Сараевского музея. Он был автором ряда научных работ на сербско-хорватском и на русском языках.

Гвардейский офицер Доне и князь Гедройц стали вскоре служащими в банках. Первый в «Областном банке» («Земальска банка»), а второй в сербском сельскохозяйственном банке.

Один русский, знавший английский язык, легко устроился на работу в Британском консульстве. Получал он небольшое жалование и комнату в здании консульства — красивом особняке, в котором после зимних олимпийских игр в Сараеве в 1984 г. был устроен Олимпийский музей. Прожив пять лет в консульстве, этот русский попросил дать ему британское подданство, как прожившему пять лет на британской территории, каковой являлось консульство в Сараеве. Для консула такая просьба была большой неожиданностью, а еще большей неожиданностью для консула было согласие Лондона удовлетворить эту просьбу. Об этом, конечно, много говорилось в русской колонии.

В начале 1920-х годов жены офицеров, в том числе и моя мать, подрабатывали, делая искусственные цветы из гофрированной бумаги.

Офицеры первое время донашивали свои военные формы. Мой отец снял погоны со своей шинели, но многие продолжали ходить с погонами. У многих формы были изрядно поношены, и, хотя никто оборванцем не ходил, мальчишки на улицах обзывали их «оборванцами» — крича им вслед — «руски пан подрпан». Не только мне, но

и взрослым ребята на улицах кричали — «рус — купус» (русский — капуста).

Желая помочь русским, местные военные власти выдали офицерам новые австрийские серо-голубые шинели, хранившиеся неизвестно для чего на военных складах. Было только сказано переокрасить их в черный цвет. Со временем русские приобрели себе штатские костюмы и стали незаметными в общей толпе. Хулиганы перестали называть русских «оборванцами», но на боковых улицах продолжали кричать — «рус — купус».

Еще одним способом заработать было рисование акварелью картин. Занимались этим и те, у кого был талант к рисованию, и те, у кого его не было. Кто-то, вероятно, начал продавать свои рисунки и потом спрос вызвал предложение. Темы рисунков, надо полагать, были разные, но мне запомнилось, как один «художник» после обеда в нашей столовой рисовал Ая-Софию в Константинополе.

У него была калька с контуром рисунка. Он эти контуры заштриховал мягким карандашом с нижней стороны, потом наложил кальку на специальную бумагу для акварели и обвел твердым карандашом все линии. На акварельной бумаге появились легкие карандашные очертания. После этого началось писание картины. Получилось быстро и неплохо. «Художник» поставил свою подпись, положил картину в папку и понес ее на Баш-Чаршию («турецкий базар», как его называли русские) к торговцу, которому поставлял свои картины. Мусульмане охотно покупали Ая-Софию для украшения своих квартир.

В Сараеве, как и в других городах Югославии, все русские объединялись в организацию, называвшуюся «Русская колония», а по-сербско-хорватски — «Руски одбор». Друзья отца, узнав, что он живет в Сараеве, написали ему: «Полчанинов — Руски одбор», и письмо дошло.

Председателем русской колонии с первых дней и до смерти в 1934 г. был Леонид Николаевич Новосильцев, как его все звали, а вернее — Новосильцов — потомок Гончаровых, известных тем, что Наталия Гончарова была супругой А. С. Пушкина.

Большинство офицеров состояло в РОВС — Русском обще-воинском союзе. РОВС охватывал целый ряд объединений — казачьих, которые назывались «станицами», Галлиполийцев, т.е. тех, кто прошел через лагерь в Галлиполи, и других. Был и Союз инвалидов. Югославия была

единственной страной, которая платила русским инвалидам такую же пенсию, как и своим участникам войны.

Русских офицеров, а в Сараеве почти все русские были офицерами, югославянские власти хоронили с воинскими почестями на военном кладбище. Там военные власти выделили для русских отдельный участок, на котором хоронили не только русских военных, но вообще всех русских. Кадеты имели особое место на русском участке.

Я помню деревянные кресты на кадетских могилах, которые в 1925 г. были заменены бетонными плитами. Потом был поставлен большой крест на высоком постаменте.

Спереди на постаменте было написано по-сербски: «Обитель руског кадетског корпуса».

На задней стороне слова кадета V выпуска А. Эйснера:
Звонко прославят вас трубы походные,
В дни наступленья великой весны,
Спите ж спокойно, России сыны,
Жертвы вечерние, жертвы бесплодные.

Справа слова «Б. А.»:

Листки отлетевшие,
Весной чуть пригретые,
Мечты незрелые
И песни неспетые.

Слева слова кадета А. Погребного, V выпуска:

Спите спокойно, кадеты родные,
Корпус наш память о вас сбережет,
Будет хранить имена дорогие,
В братской молитве он вас помянет.

Кадетский корпус покинул Сараево 5 сентября 1929 г., и для русских начался новый период.

В корпусе была русская домовая церковь, в корпусе устраивались торжества, читались доклады, устраивались спектакли. С отъездом корпуса в Сараеве остались только русская начальная школа, Колония с библиотекой, РОВС — Русский обще-воинский союз и Союз инвалидов, расколовшийся из-за внутреннего конфликта на два отделения. Общественная жизнь замерла. Случайные встречи бывали только раз в неделю в библиотеке Колонии.

Некоторое оживление произошло с приездом русского батюшки — о. Алексея Крыжко, который был назначен православным священником в городскую больницу. По его почину был создан в Сараеве русский приход. Для

церкви было снято пустовавшее помещение какой-то мастерской на улице Одиена Прице N 6 (новое название после 1945 г.), в центре города, недалеко от отеля «Европа».

Священник, получавший жалование от больницы, не имевший семьи (семья осталась в СССР), отказался брать деньги от небольшого русского прихода. Надо сказать, что русских в Сараеве было не так много, а особенно людей церковных. Трудный характер о. Алексея не способствовал привлечению людей в приход, но все же при церкви было создано сестричество.

Никакого церковного имущества не было. Все надо было либо покупать, либо делать самим. Нашлись добровольцы, сделавшие иконостас. Все иконы были написаны художником Чеглоковым. Он был большим поклонником о. Алексея и, написав икону св. Владимира, крестящего киевлян (по Васнецову), он одному человеку в толпе придал черты лица о. Алексея.

В начале 1931 г. приехавшие учителя Пелипец и его супруга Елена Николаевна основали Воскресную школу.

4 апреля 1931 г. был основан патруль русских одиночных скаутов «Волк», развернувшийся 15 июля 1932 г. в отряд ген. Корнилова.

Воскресная школа, в ее первоначальном составе, долго не просуществовала, и В. Пелипец решил заняться другими делами — оживить общественную жизнь.

Его супруга очень скоро стала активным членом сестричества и таким образом приобрела много знакомых среди русских сараевцев. Знакомство с председателем русской Колонии дало возможность В. Пелипцу основать при библиотеке Колонии «Устную газету». «Устная газета» долго не просуществовала, но и это не обескуражило В. Пелипца.

Следующим его начинанием было создание Югославяно-русской лиги, целью которой было, с одной стороны, сближение русских с югославянскими общественными деятелями, а с другой стороны — подготовка к Пушкинскому юбилею — 100-летию со дня смерти в 1937 г., которое предполагалось отметить во всем мире как события мирового значения.

В 1934 г. Югославяно-русская лига делала свои первые шаги, и, в то же время, в Сараеве было основа-

но общество «Русский Сокол», которое тоже делало свои первые шаги, и ставило приблизительно те же цели.

Летом 1937 г. в Сараево из Белграда был переведен Виктор Михайлович Байдалаков — председатель Исполнительного Бюро НТСНП (ныне НТС). Это было своего рода ссылкой, сделанной под давлением СССР. Большевики очень рано обратили внимание на НТС и старались всячески мешать его работе.

После убийства в Марселе в 1934 г. короля Александра, который слышать не хотел о большевиках, началась своего рода «оттепель». В том же году или в 1935-ом появились на экранах советские фильмы — «Волга, Волга» и «Веселые ребята». В Югославии последний шел под названием «Пастир Костя». Белградский издатель Страхов выпустил ноты и сербский перевод песен из этих кинокартин. Мне кажется, что не было такого русского в Сараево, который не побывал бы на этих фильмах, а мы, молодежь, — пели по-русски и по-сербски песни из этих фильмов.

30 апреля 1940 г. в Москву прибыла югославянская торговая делегация, а 24 июня последовало признание Югославией Советского Союза.

Если после отъезда кадетского корпуса из Сараева русская общественная жизнь пришла в упадок, то к 1937 г., можно сказать, что она восстановилась.

В. Байдалаков использовал свое вынужденное пребывание в Сараево, чтобы устроить в ноябре 1937 г. первый для Сараева День Непримируемости, в котором приняли участие все русские общественные организации города. Этому способствовала и круглая дата — 20-летие советской власти. Вскоре после этого в Сараево было создано отделение НТСНП.

Я не был на Пушкинских торжествах, устроенных Югославянско-русской лигой, но на Дне Непримируемости мне пришлось выступить с коротким словом от имени русских скаутов-разведчиков. Зная инертность русских сараевцев, я был приятно удивлен, увидев полный зал, вмещавший около ста человек. Даже торжественные события в кадетском корпусе не собирали столько людей. Говорилось, что все русское Сараево было налицо, но это было далеко не так.

Помню, что я опубликовал в скаутском журнале «Голос одиночек» № 2 от 1 июня 1940 г. статью «Статистика русской молодежи в Сараево», в которой было написано,

что русских в Сараеве около 400, а из 108 детей в возрасте от 7 до 18 лет, 37 — не говорящих по-русски.

Многим моя статья не понравилась. Многие спорили со мной, и, когда я называл по фамилиям семьи с не говорящими по-русски детьми, мне возражали — ну какие же это русские? Они поженились на сербках и отошли от русских. На это я отвечал, что хоть они и отошли, но по крови остались русскими, а их дети, хоть и наполовину, но тоже русские.

Надо сказать, что были и такие сербки, которые, выйдя замуж за русских, и общаясь с русскими, сами стали говорить по-русски и учить русскому языку своих детей. Назову двух — Вдовкину и Невструеву. Но женившийся на сербке Запорожан отошел от русских и детей своих не научил русскому языку. Правда, он посылал их учиться русскому в Воскресную школу и записал в скауты.

Большинство русских, во всяком случае в Сараеве, приняло югославянское подданство. В 1928 г. всем русским, специальным указом «У. Бр. 2525» от 1 мая 1928 г., в виде исключения, было предоставлено право на льготное получение подданства, что давало всем русским возможность продвижения по службе и повышения жалования. В чем заключалась эта льгота — не знаю, так как когда отец получил подданство для себя, моей матери и меня, мне было лет десять.

Для дальнейшего повышения по службе и повышения жалования отцу следовало бы сдать экзамен по истории и географии Югославии, а, может быть, и по литературе. Отец на это не пошел.

Отец работал в дирекции финансов с 8 утра до 2 часов дня (а, может быть, до 3-х) без перерыва на обед. Такие часы были во многих государственных учреждениях. К своему небольшому жалованию он подрабатывал, собирая в магазинах заказы для деревообделочной мастерской Гёрдта, бесплатно распространяя среди докторов лекарства французских фирм и собирая заказы на эти лекарства в аптеках.

Югославия традиционно пользовалась австрийскими и немецкими лекарствами. Западная часть страны еще недавно принадлежала Австро-Венгрии, и старое поколение сараевских докторов оканчивало университет либо в Загребе, либо в Вене. В Сербии тоже привыкли к австро-венгерским лекарствам. После войны (1914—

1918 гг.) Франция старалась вместе с политическим влиянием распространить и свое экономическое влияние и не жалела средств на пропаганду своих лекарств. Отец, вероятно, думал, что его добавочные заработки дают ему больше, чем повышение жалования, связанное с продвижением по службе, но и связанное с экзаменами.

Хотя русские и не чуждались дружбы с местными, и там, где было мало русских, они быстро растворялись в местной среде, в Сараеве все как-то получалось так, что связи русских с русскими были крепче и глубже, чем связи с местными. У русских была своя церковь, своя библиотека, свои соколы и свои скауты.

Языкового барьера не было. Русские очень быстро стали свободно говорить на родственном сербско-хорватском языке, но были барьеры культурные и экономические.

По своему экономическому уровню большинство русских принадлежало к низшим слоям среднего класса, но интеллектуально было ближе к верхним слоям среднего класса.

Например, у серба д-ра Радулашки, большого русофила, было деловое знакомство с моим отцом, а я дружил с его сыном, которого знал по русскому детскому саду, куда мы оба ходили. Д-р Радулашки приходил к нам иногда с сыном, но без жены, или брал меня одного с собой на дачу. Он нас бесплатно лечил. Отношения были самыми лучшими, но не близкими.

На улице Хаджи Сулеймана в доме N 17 (после 1945 г. Ф. Яхича Шпаца N 21) нашей соседкой была судетская немка Саллер. Мы жили дверь к двери и отношения были самые дружеские, но...

Раз в неделю, кажется, по вторникам, у нее был «жур» (моя мать называла это — «журфиксом», ей был известен такой обычай по России). В этот день у нее собирались подруги на чашку чая. Каждая из подруг каждую неделю приглашала всю компанию к себе на «жур». Мою мать не приглашали, и понятно — общего у нас ничего не было.

В первом примере мы были равны интеллектуально, но не социально, а во втором — наоборот. Это и заставляло большинство русских держаться среди своих. Местные на нас за это не обижались.

Из тех, кто выбился в верхний слой среднего класса, я знал одного судью и нескольких докторов. Про одного

из них писал Юрий Ракитин (белградец) в газете «Новое время» от 31 июля 1924 г.: «Огромную популярность и практику имеет здесь <в Сараеве. — Р. П.> наш известный петербургский доктор лейб-педиатр Высочайшего двора Иван Павлович Жегалов, друг почти всех артистов, так называемый «Ваничка Жегалов»; великолепный исполнитель романсов. Помню его выступления на вечерах у Н. П. Корабчевского. Здесь он также и театральный доктор, а жена его играет на здешней сцене».

Добавлю от себя, что после отъезда в Белград д-ра Сергея Семеновича Трегубова Жегалов стал и врачом русской начальной школы. Про него говорили, что он «осербился» и вместо именин, которые сербы не отмечают, называл свой день Ангела «красной славой» (день небесного покровителя семьи), и проводил его по сербскому обряду с освящением «колача» и «колива» (кутья) и угощением печеньем, вареньем и черным кофе, обозначавшим, что прием окончен и гостю пора идти домой. Может быть, это было хитрым расчетом, что на «красну славу» никого не приглашают и что гостей не надо занимать, ни особенно угощать. Русские его за это очень осуждали.

В той же статье «Откуда все началось» Ракитин упомянул еще одного преуспевшего русского: «Бывший управляющий кабинетом Его Величества генерал Е. Н. Волков организовал здесь, на Илидже, большое лесное предприятие, где работает также много русских. Думал ли я там, в Петербурге, приходя каждое 20-е число за жалованьем во флигель Аничковского дворца, что буду гостить у самого управляющего Императорским кабинетом и где — в Боснийских горах, на лесопильном заводе!»

В 1924 г., когда Ракитин писал о своем посещении Сараева, мне было 5 лет, а когда я подросток, то Волкова ни в Илидже, ни в Сараеве не было, во всяком случае, среди живых.

Будучи скаутским руководителем, я знал все семьи, где были дети. Это были и состоятельные люди, и среднего заработка, и сравнительно бедные. Бедствовавших среди русских в Сараеве не было.

Более состоятельные жили в центре города, имели радио, граммофон, но ни у кого не было ни телефона, ни автомобиля. Было центральное отопление, газовые плиты и холодильники. Менее состоятельные жили дальше от центра, в домах без газа и центрального отопления, а если

жили в центре, то либо в подвальных помещениях, либо на 4-х этажах домов без лифта, а такими были почти все дома в Сараеве.

Мало кто из русских имел холодильники, да и вообще в Сараеве в 1930-х годах холодильники считались предметом роскоши. Люди хранили непортящиеся товары в кладовках, а за скоропортящимися ходили каждый день или почти каждый день на базар. Приготовление еды отнимало у хозяек немало времени. Особенно трудно было вдовам, которым приходилось и работать, и вести хозяйство. Я знал двух таких с детьми. Зарабатывали они на жизнь физическим трудом.

Русские мужья славились в Югославии тем, что помогали женам по хозяйству. Ленивым девушкам говорили, что им нужен русский муж. Местные мужья были, конечно, разные, но очень многие после работы шли в «кафаны», где заказывали себе порцию турецкого кофе и сидели часами, разговаривая с друзьями. Кофе подавался в «джезвах» — небольших металлических сосудах, в которых он и варился. Кофе пили из «фильжанов», маленьких фарфоровых чашечках без ручек. В одну «джезvu» входило два «фильжана».

Почти все русские, прибывшие в Югославию с белой армией, имели образование не ниже среднего. Людей без среднего образования, как мне кажется, не могло быть больше 5%. Первые годы многим приходилось браться за физический труд, но вскоре все смогли перейти на интеллигентную работу. Для психологии русских в Югославии это обстоятельство имело очень важное значение.

Во второй половине 1930-х годов, когда у Югославии улучшились отношения с СССР, стала возможной репатриация югославын, служивших в Первую мировую войну в австро-венгерской армии, попавших к русским в плен и застрывших в СССР. В 1940 г. мне было известно 13 таких семей. Все их русские жены были крестьянками с невысоким уровнем грамотности.

Русские сараевцы и не подозревали об их существовании, а если и слышали про них, то никакого интереса к ним не проявляли. С другой стороны, у новоприехавших никакой тяги к русским не было. Жили они своим мирком и своими заботами.

Встреча белой эмиграции с новоприезжими произошла случайно. Один из скаутов-разведчиков — Игорь Моска-

денко, учившийся в ремесленной школе, случайно познакомился с одной девушкой лет 15-ти. Ее отец, после того как большевики освободили его из плена, попал в Красную армию, но, когда стало возможным, вернулся к себе на родину — в Сараево.

Девушка была в пионерах, но там ей не очень понравилось. Она не была ни коммунисткой, ни антикоммунисткой, а была обычной девушкой из провинции. Игорь пригласил ее на сбор к скаутам-разведчикам, и ей там понравилось. Было много русских ребят, и она оказалась в центре внимания. Когда она рассказывала о своей жизни в Советском Союзе, все ее внимательно слушали, а потом все вместе пели и «Легко на сердце», и «Как много девушек хороших». Потом она спела пару никому не известных советских песен, а кончился сбор какими-то играми.

На следующий сбор она пришла с подружкой, такой же, как и она, новоприезжей. Они жили по соседству в рабочем поселке — Новое Сараево, а их отцы работали там же в железнодорожной мастерской.

Оказалось, что в Новом Сараеве было еще несколько таких семей с детьми поменьше, которые за пару лет разучились говорить по-русски. Игорь взялся организовать скаутскую работу в Новом Сараеве и дал мне кое-какие данные для статьи «Статистика русской молодежи в Сараеве».

Эта моя статья была опубликована в журнале «Голос одиночек» (№ 2, 1 июня 1940 г., Сараево). Журнал печатался под моей редакцией на шапирографе в количестве 40 экземпляров для руководителей одиночных скаутов-разведчиков и старших членов НОРС-Р — Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков. Текст статьи приводится ниже с некоторыми сокращениями:

«СТАТИСТИКА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В САРАЕВЕ»

Работая с молодежью уже 10 лет, я знаю хорошо положение русских детей в разных странах, а особенно в Югославии. Положение детей в разных городах бывает разным. Денационализация там, где нет русской церкви, школы и организации русской молодежи будет сильнее, чем там, где есть и одно, и другое, и третье.

Положение молодежи в Сараеве, где я живу, можно считать характерным для городов со средним количеством русских (в Сараеве около 400 русских), с русской церковью, начальной школой и несколькими общественными организациями.

В мою статистику я взял детей, учащихся в начальных и средних школах, или возраста 7—18 лет. Предоставляю цифрам говорить за себя.

	муж.	жен.	итог
Количество русских детей	60	48	108
говорящих по-русски	39	32	71
не говорящих по-русски	21	16	37
Дети, состоящие в дружине скаутов-разведчиков	22	22	44
Дети, состоящие в о-ве «Русский Сокол»	16	13	29
Дети, нигде не состоящие	33	22	55
Учащиеся в русской начальной школе	12	10	22
Учащиеся в югославянских начальных школах	7	9	16
Учащиеся в югославянских гимназиях	27	19	46
Учащиеся в других югосл. средних школах	7	9	16
Нигде не учащиеся	7	1	8
Учащиеся средних школ, окончившие русскую нач. шк.	14	10	24
— научившиеся по-русски в русской нач. школе	9	8	17
— продолжают получать русское образование в русской воскресной школе	8	4	12
Учеников русской воскресной школы, говорящих по-русски	6	2	8
не говорящих по-русски	2	2	4
Учившихся в воскресной школе	16	13	29
Количество хороших учеников (приблизит.)	26	16	42
Количество средних и ниже (приблизит.)	24	28	52
Без сведений	3	3	6

Семьи	оба русские	только: мать	отец	?	итог
Семьи с 1 ребенком	22	2	5	4	33
Семьи с 2 детьми	10	8	5	—	23
Семьи с 3-4 детьми	5	3	8	—	16
Семьи умственного труда	32	15	3	50	
Семьи физического труда	6	15	—	21	
Без сведений				1	1

При рассмотрении цифр, бросается в глаза, что половина наших детей — из смешанных браков, и что треть детей не говорит по-русски. Если бы к числу неговорящих еще прибавили бы число выучившихся русскому языку в русской начальной школе, то, при отсутствии таковой, число неговорящих было бы больше половины, да и говорящие часто говорят на неправильном русском языке.

Неорганизованной молодежи примерно 50 % — а это стнюдь не такой большой процент, если мы сравним с процентом организованной молодежи у других народов. Из организованной молодежи 83 % принадлежит к организации скаутов-разведчиков (из 53 — 44 человека), что доказывает жизненность организации, и что она более отвечает духу и желаниям как семей, так и самой молодежи.

20 человек детей и подростков (сокольская терминология) из 29, состоящих в обществе «Русский Сокол», состоят одновременно и в дружине скаутов-разведчиков.

Интересно отметить, что в числе однодетных семей преобладающее количество чисто русских; многодетные же семьи главным образом смешанные.

Положение в Сараеве является характерным для мест с соответствующими условиями общественной жизни, и мы на основании этих цифр можем делать общие выводы.

1) Количество организованной молодежи вполне удовлетворительно. Почву для этого создают церковь и школа, которые держат молодежь вместе.

2) Язык есть ключ к национальности, и потому мы замечаем, что в стороне от русской общественной жизни стоят, главным образом, не говорящие по-русски. В этом отношении велика роль наших зарубежных школ.

3) Новое поколение молодежи показывает пониженную успеваемость в школах, в то время как в предшествовавшие годы русские славились хорошими успехами в школах».

В заключение — несколько слов о себе.

Я, Ростислав Владимирович Полчанинов, родился 27 января 1919 г. в Новочеркасске в семье полковника, служившего в Штабе Верховного главнокомандующего при императоре Николае II, Деникине и Врангеле. Эвакуировался с родителями из Севастополя в Королевство СХС (Югославию). В Сараеве окончил 4-классную русскую начальную школу, учился в местной гимназии и заочно на юридическом факультете Белградского университета.

Юрист по образованию, журналист по профессии, историк и общественный деятель по призванию, преподавал многие годы в русских церковных школах. Был заместителем Синодального школьного инспектора (Синода Русской Православной Церкви за границей). Автор ряда учебников («История Русской Америки и Американской Руси», «История русского искусства» и др.), книг «Заметки коллекционера», «О Югославии и русских в Югославии», «По русским улицам Парижа» и монографии «Мы — сараевцы и наши песни».

В 1931 г. вступил в Союз скаутов Королевства Югославии, а затем в НОРС — Национальную Организацию Русских Скаутов. В 1935 г. окончил югославянские курсы для руководителей и 31 декабря 1935 г. был назначен начальником Отделения русских одиночных скаутов-разведчиков в Югославии. В годы войны был одним из руководителей подпольной скаутской работы.

Работая в ОРЮР — Организация Российских Юных Разведчиков (новое название НОРС), в 1945—1951 гг. организовал и возглавил работу югославянских скаутов в «ди-пи» лагерях (для «перемещенных лиц») в Германии и Австрии.

В 1951 г. был назначен начальником ГК — Главной квартиры ОРЮР и наладил отчетность, которой до этого у русских скаутов не было.

В июне 1965 г. возглавил Исторический комитет, а с 8 октября 1986 г. стал начальником Сектора истории ГК ОРЮР. Издаю бюллетень «Страницы истории».

Кроме ОРЮР с 1934 г. состою в русском сокольстве. В июле 1987 г. возобновил издание бюллетеня «Пути русско-

го сокольства», выходявшего в 1938—1941 г. в Югославии. С июля 1991 г. в этом деле мне помогает А. Сергеевский.

Вместе с Ю. Лукьяновым в 1989 г. начал работу ОРЮР в России, а затем с А. Сергеевским — сокольскую.

Состою членом Русской академической группы в США и сотрудничаю в «Записках», которые раз в год издает эта группа.

Помогал М. Шатову в 1971—1972 гг. в составлении 4-х томного указателя русской зарубежной периодики (на английском яз.), в 1983 г. для сборника «Русские канадцы, их прошлое и настоящее» (на английском яз.) написал историю русских скаутов в Канаде и отдельную главу о русской периодике в Канаде. В 1986 г. сотрудничал с Кентским университетом (Огайо, США) в составлении «Указателя американской этнической печати: славянской и восточно-европейской» (на английском яз.)

По вопросам истории российского Зарубежья сотрудничаю с кафедрой русской литературы Тартуского университета (Эстония), с Отделом славистики Загребского университета (Хорватия) и со Славянско-балтийским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки. Собираю русские зарубежные открытки и поздравительные карточки и русскую зарубежную периодику. Выпустил четыре номера «Летописи русских зарубежных периодических изданий». Первый номер — по просьбе «Радио Свободы», два следующих — с материалами Кентского университета и последний, о русской скаутской периодике в Югославии, — для О. Джурича и И. Качаки. Готовлю следующий номер.

Пишу мемуары «Мы — сараевцы» — свои воспоминания и воспоминания о покойных друзьях — Б. Мартино, С. Пелипце и М. Муличе.

Состою в Русском нумизматическом обществе и в «Росике» — обществе русской филателии и сотрудничаю в их журналах.

В августе 1968 г. начал печатать в «Новом русском слове» (Нью-Йорк, США) «Уголок коллекционера» и статьи на другие темы. Сотрудничаю с «Единением» (Сидней, Австралия), «Вестником руководителя» (ОРЮР, Нью-Йорк, США) и с другими изданиями.

В общем, стараюсь поделиться знаниями и опытом со всеми, обращающимися ко мне за помощью.